

Елена Скульская

**КОМПРОМИСС
МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ
И СМЕРТЬЮ**

*Сергей Довлатов в Таллине
и другие встречи*

Кolibри

МОСКВА

УДК 82-94
ББК 84(2)6
С46

Скульская Е.

С46 Компромисс между жизнью и смертью. Сергей Довлатов в Таллине и другие встречи. – М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2018. – 276 с.
ISBN 978-5-389-13992-3

Компромисс между жизнью и смертью возможен, когда создается талантливый литературный памятник, позволяющий читателю лично и близко познакомиться с Сергеем Довлатовым, поболтать с ним и почитать его письма, встретиться с Алексеем Германом, посидеть за одним столом с Валерием Золотухиным и другими выдающимися людьми, с которыми судьба сводила известную писательницу, поэта и прозаика, финалиста «Русского Букера», лауреата Международной «Русской премии» и других литературных наград Елену Скульскую.

Эти мемуары уникальны не только своими героями: благодаря бескорыстию и юмору автора, глубине понимания, абсолютному слуху и памяти, умеющей отбирать главное, книга создает неповторимый портрет последней трети минувшего века.

УДК 82-94
ББК 84(2)6

ISBN 978-5-389-13992-3

© Скульская Е. Г., 2018

© Оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018

КоЛибри®

СОДЕРЖАНИЕ

Компромисс между жизнью и смертью (<i>О Сергее Довлатове</i>)	5
«Я рад, что моя жизнь сложилась достаточно горько» (<i>О Самуиле Лурье</i>)	78
«...Но к сентябрю меня уже не будет» (<i>О Валерии Золотухине</i>)	103
Вопросительная запятая, или Почему Андрей Вознесенский не хотел хранить невинность в борделе (<i>Об Андрее Вознесенском</i>)	133
Иза Мессерер, или «Стихотворения чудный театр» (<i>О Белле Ахмадулиной</i>)	155
Кик-ин-де-Кёк (<i>О Евгении Евтушенко</i>)	174
Три застолья (<i>Об Израиле Меттер, Натане Эйдельмане, Алексее Германе</i>)	180

«Я не рифмуюсь с нашим временем» (О Юрии Норштейне)	207
Чистый звук (О Сергее Юрском)	226
Воровские истории (О Евгении Рейне)	236
Шарф, перчатки и берет: история небывалой любви (О Валли Лембер-Богаткиной)	256

КОМПРОМИСС МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

О Сергее Довлатове

I

ПЕРЕКРЕСТНАЯ РИФМА

(письма Сергея Довлатова)

«В этих письмах нет ничего личного, кроме стиля» — так, мне кажется, сказал бы о них Сергей Довлатов, разрешая публикацию.

И вот спустя одиннадцать лет¹ мне передают коробочку темного цвета шиповника, на боку которой нацарапано «Лиле Скульской»; флакончик духов с запахом розового гербария, прибывший с оказией или какой-нибудь посылкой; о таких посылках рассказывал мне Довлатов в середине 70-х: как в Ленинграде, на конспиративной кухне пошире, собирались тайно избранные опалой, держались отрешенно и страстно, читали стихи, грозили кулаком милицейским окнам, хотели голодать и гибнуть (да так оно и было), а потом вносили ту самую американскую посылку — бедствующим друзьям — с дорогим барахлом (я представляла себе деревянный ящик из детства, вечно не хватало терпения полностью отодрать крышку, она вырывалась, гвоздями прикусывала пальцы, протиснутые

---

¹ В 1989 г.

за киевскими яблоками), и медленно, как во сне, все кидались к ней, запускали руки, тянули... начинался целый пир персонажей; он не написал о нем позже, не написал, думаю, от той последней жалости, которую всегда помнил и которой всегда успевал пощадить.

Итак, темная коробочка, золотая рыбка из стаи — рябью поперек течения — без записки, письма, через одиннадцать лет молчания вдруг оказалась в руке. Я писала тогда книгу об отце, вспоминала в ней Довлатова и поясняла его словом «писатель», потому что еще ни одной публикации его не было в нашей стране:

«Нежность пришла в середине семидесятых.
Были трепетны, науськиваемые одним только
сердцем.

Уговаривали теледикторши непокорных
выключить электроприборы¹.

В 1975 году, незаметно, будто отлучились врачи с праздника к больному, перегрызли в редакции “Советской Эстонии” горло писателю Сергею Довлатову...»

После ТОЙ редколлегии² Сергей шел по огромному, ему под стать, редакционному коридору, отстранял нас

¹ Скульская Е. Г. В пересчете на боль. М.; Таллин: ИКПА, 1991. С. 105.

² Редактор газеты «Советская Эстония» получил из ЦК (а те — из КГБ) указание резко осудить на редколлегии рукопись романа Сергея Довлатова «Зона». Указание исполнили в точности. Довлатов потерял работу. Вскоре в издательство «Ээсти раамат» поступил приказ уничтожить набор первой книги Довлатова...

Оставаться в Таллине было бессмысленно. Подробно об этом — в «Невидимой книге» Сергея Довлатова.

руками, как в фильмах знаменитость отстраняет в аэропорту, что ли, назойливых репортеров, и шептал каждому: «Отойдите, это может быть теперь небезопасно», при том он продолжал смотреть прямо, в некий объектив, пуская слова осторожно вбок, чтобы не повредить строгости снимка. Дальше, выходя уже из Дома печати, подошел к Михаилу Бушу (он есть в одном из рассказов Довлатова, его никак не принимали на работу в нашу газету): «Миша, я надеюсь, мое изгнание хоть вам принесет пользу. Освободилось место... Вас должны взять...» Сказал без иронии и даже горечи, что почти непредставимо, если не признать за ним доброжелательность как безумную норму.

Через несколько дней после того, как Сергей уехал из Таллина в Ленинград, пришла открытка:

«Здравствуйте, Лиля!

Пятый день я в Ленинграде. Занимаюсь ремонтом. Местные “пикейные жилеты” вникли в ситуацию и утверждают, что за книжку обидно, прочее — ерунда. Работой пока не интересовался. У Джойса один рассказ начинается так: “Он вернулся назад той же дорогой, которой ушел...” С другой стороны, Томас Вулф назвал один из своих романов “Домой возврата нет”. Короче — неопределенность»¹.

И тут же приписка моему отцу:

«Дорогой Григорий Михайлович! Хочу попрощаться с Вами. Спасибо за доброе отношение. Простите за возможные хлопоты. Желаю Вам здоровья, мужества и вдохновения. Ваш С. Довлатов».

¹ Здесь и далее в письмах сохранена орфография автора письма. — Примеч. ред.

И еще через несколько дней:

«Милая Лиля! Я направил в Таллин десяток писем. Отреагировали только Вы. Я не сержусь, я беспокоюсь, что письма могли не дойти.

Понемногу начал сочинять, ходить по редакциям. Люди здесь смелее, циничнее. У каждого неприятностей втрое больше, чем у меня.

Поэтов развелось ундициллион (см. энцикл.).

Самый талантливый — Охапкин и тот никуда не годится.

Все свои решительные действия я отложил до той поры, когда будет готова злополучная экспертиза¹. Знайки утверждают, что резко отрицательной она не может быть, а если окажется таковой, ее надо доказательно опровергать в Лен-де и Москве. А нет, то и подалее.

Мне показали новые стихи И<осифа> Б<родского>. Запомнились такие строчки:

*...твердил, что лес — это часть полена,
И зачем вся дева, ведь есть колено...*

Встретился мне худощавый Ширали, который уверял, что сочиняет теперь просто, впал, как в ересь, в неслыханную простоту. И в доказательство громко выкрикнул следующее:

*Вот летает птица моль
И садится на бемоль.*

Я немедленно с ним попрощался.

Трусливого, угодливого, мерзкого спектакля, который усердно разыграла наша холуйская редколлегия, я никогда не забуду и не прощу. Нужно время.

---

¹ Экспертиза КГБ, которая должна была определить степень «антисоветскости» романа Сергея Довлатова «Зона».

А о главном я рассудил так: “Ты мечтал о великом романе? Напиши его. Вряд ли тебе это удастся. Но сама попытка написать великий роман в моральном отношении равна великому роману”.

Вот так гордо звучит мое кредо!!!

Пожелания литературного неудачника с большим (12 лет) стажем:

Будьте здоровы, пишите, страдайте и верьте своему сердцу!»

Так началась наша переписка, длившаяся с перерывами на встречи три года — до 1978-го¹.

Зажав в кулаке темную душистую коробочку, я перечитала три страницы из своей книжки, посвященные Сергею, строчки из его писем, и решила пока оставить все как есть, а когда рукопись опубликуют, то послать ее ответным знаком дружбы и памяти. Через год пришло известие о его смерти.

Незадолго до отъезда за океан, в Ленинграде, Сергей привел меня в гости к своим знакомым — художникам. Огромные, как принято в мастерской, окна были неожиданно затенены шелковыми шторами с вытканными на них трепещущими и сытными многоцветными фазанами. Один фазан стоял на блюде на дубовом боярском столе, мы так и не узнали, настоящий он или только прототип шелковых — из папье-маше; Сергей говорил:

— Уезжать нельзя. Любое наше движение здесь, малейшее шевеление, хоть пальца на ноге (для какой-то наглядной честности он выдвинул ногу из-под стола, хозяева перегнулись и тоже рассмотрели ботинок)... громом отзовется на Западе. А что бы на Западе ни делать, как ни шуметь, здесь и шепота не вызовет!

---

¹ В 1978 г. Сергея Довлатова вынудили эмигрировать в США, и наша переписка оборвалась.

Сергея слушали как больного ребенка, нудно повторяющего свое «пить, пить, пить».

Мы вышли из боярской трапезной, на ближайшем углу, в рюмочной, отвернувшись и пересчитав мелочь, Сергей выпил полстакана портвейна, а меня решено было накормить, и я согласилась, проклиная вечную свою прожорливость. В подвальной и полутемной столовой двигались с подносом, я потянулась за кошельком, бормоча какие-то правильные и веселые слова, и тут же получила:

— Прекратите! Не до такой же степени!

Но сам он есть не стал, вторых 67 копеек на комплексный обед у него не было.

Вечером ехали в троллейбусе домой к Довлатовым. Освободилось место. Сергей предложил мне сесть. Я попросила: сядьте лучше вы, а то невозможно все время разговаривать с задранной головой. «Вот вам не нравится мой рост, — ответил он, — а один знаменитый наш современник, Александр Кушнер, сказал мне недавно: если бы я, Сережа, был таким высоким и красивым, то все ваши беды мне казались бы игрушечными».

(Сергей шутливо отзывался о многих, кого любил и даже чтит. Однажды в редакции он протянул мне стихотворение Кушнера, перепечатанное для меня на машинке; я отреагировала уважительно, но не восторженно, как ожидал Сергей. Он растерянно забрал у меня листок и спросил с жалостью: «Что же вы цените в современной поэзии, если не это?!»)

На плите стояла кастрюля с супом, в ней лежала громадная, во все кастрюльное дно, кость. Непомерную эту кость пытались уместить в моей тарелке, что было невозможно, суп выплескивался по бокам; опять обсуждали отъезд; Лена снимала плащ и говорила тихо, без раздражения: «Хуже уже быть не может, значит, там точно будет лучше».

В августе 90-го моя книжка была в гранках и еще можно было что-то вычеркнуть или дописать, но можно было и теперь оставить все как есть: тексты Сергея, его письма — не менялись. А еще через год следовало бы вычеркнуть только одно слово «писатель» — об этом уже знали все.

А пока, в 1975–1976-м:

«Дорогая Лиля!

Спасибо за внимание и дружбу. Московское письмо, которое я алчно распечатал, денег не сулит. Хотят использовать на радио мой bestseller в “Юности”. В такой же ситуации алма-тинское радио заплатило 200 рублей. Хаос и беспорядок...

Новостей мало. На работу не берут. Первые заработки ожидаются в сентябре. Зато сочиняю много, от отчаяния. Написал мстительный рассказ о журналистах “Высокие мужчины”. Заканчиваю третью часть романа. Ну и кукольную пьесу с лживым названием “Не хочу быть знаменитым”. Она лежит в трех местах. Пока не вернули. Не могу удержаться и не напечатать для Вас финальную песню оттуда:

*За право быть самим собой
Отважно борется любой,
Идет на честный бой, лица не пряча,
Чужое имя не к лицу
Ни моряку, ни кузнецу,
А каждому свое, и не иначе.*

*Нет двойников, все это ложь,
Ни на кого ты не похож,
У каждого свои дела и мысли,
Не могут даже близнецы
Похожи быть, как леденцы
Или как два ведра на коромысле.*

*Наступит час, в огонь и дым
Иди под именем своим,
Которое ты честно носишь с детства,
И негодую, и любя,
Мы вспомним ИМЕННО тебя,
И никуда от этого не деться!»*

Здесь, прервав Довлатова, я позволю себе отступление в 2002 год. Как приятно спустя четверть века напомнить себе и другим о том, что у литературы нет срока давности.

Пьеса, как сказано в письме, разослана в три театра, и ни один из них пока еще не вернул ее автору.

Тут нужно пояснить: в советскую эпоху далеко не все художественные издания и прочие учреждения культуры имели право не рецензировать и не возвращать рукописи. Напротив, большинство из них обязано было внимательно и бережно относиться к сочинениям трудящихся масс, а именно — возвращать присланные произведения с доброжелательными приписками примерно такого содержания: «Уважаемый Имярек! С большим удовольствием прочли Ваши стихи (повесть, роман, пьесу, новеллу, очерк, рассказ и так далее), многое понравилось и привлекло, особенно взволновало Ваше доброе отношение к лошадям (людям, кочегарам, женщинам, делу мира, озеленению планеты и так далее), тронули сюжет и стиль (тема, мировоззрение, композиция, версификационное мастерство и так далее), однако, к сожалению, Ваше замечательное произведение мы вынуждены Вам вернуть, поскольку в нашем портфеле уже есть вещь, очень похожая на Вашу по теме (стилю, композиции, исполнению), а так же потому, что наш журнал (наш театр, наше издательство) полностью обеспечен материалами на ближайшие десять лет. Вам же советуем пока учиться у Пушкина и других наших драгоценных

и неисчерпаемых классиков. С нетерпением ждем Ваших новых произведений, с глубоким уважением и благодарностью за то, что Вы обратились именно в наше издание (наш творческий коллектив, и прочее и прочее)...

Чем нежнее была подобная приписка, тем меньше было у автора надежды хоть когда-нибудь опубликовать или поставить свое произведение.

Но пока ответа не было, позволительно было мечтать. Действительно, один раз на миллион приходил ответ совсем иной — грубоватый и резкий: «Уважаемый Имярек! Получили Вашу рукопись. Она показалась нам растянутой и скучной. Характеры главных героев не прояснены и не раскрыты. Композиция хромает и в конце просто заваливается набок. Стиль убогий. Идея жалкая. Мысль глупая. Но в связи с нехваткой материалов и заинтересованностью в теме, мы решили опубликовать (поставить) Ваше сочинение при условии, что Вы в кратчайшие сроки переделаете комедию в трагедию (водевиль в оперу, роман в новеллу, невесту в старушку-мать, стрелочника в директора завода, балерину в ткачиху, перепишете все стихами, а именно пятистопным ямбом, стихи переделаете в производственную прозу)...

Чем грубее и оскорбительнее были замечания, тем больше было надежды на дальнейшую публикацию или хотя бы вялотекущие переговоры, поддерживающие в авторе творческие амбиции.

Сергей Довлатов в том давнишнем письме находился как бы в отрадной поре советского автора — рукопись ему пока не вернули, а следовательно, теоретически он мог рассчитывать на грубоватое предложение...

Тогда, полагаю, Сергей так и не получил из театров никаких известий. И ни для кого из друзей, кроме меня, судя по всему, финальную песню из пьесы не перепечатал, может быть, и вовсе он эту вещь не показывал приятелям,

а в Америке забыл о ней совершенно, как еще о нескольких вещах, созданных в Союзе...

Спустя четверть века, в 2002 году, в Псковском кукольном театре стали разбирать архивы и нашли случайно сохранившуюся папку с надписью: «Сергей Довлатов. Человек, которого не было. Кукольная пьеса. 1975 год». Сергей Довлатов — классик, и уже никому не верилось, что вот так, запросто, в захлавленном архиве валяется, оставшаяся без ответа, а скорее всего, и без прочтения, рукопись его пьесы. Не особенно надеясь на удачу, сотрудники театра стали, однако, искать доказательства подлинности своей находки. И вот анализ текста потребовал признать его принадлежность перу Довлатова, не хватало только какого-то окончательного аргумента, какого-то последнего факта, чтобы издать счастливый возглас. Перебрав все прочие источники, обратились наконец к сборнику «Малозвестный Довлатов», выпущенному в 1995 году в Санкт-Петербурге журналом «Звезда». Там, в разделе «Друзья о Довлатове», печатались мои воспоминания и целиком цитировалась финальная песня из кукольной пьесы.

Сверив рукопись и письмо Довлатова ко мне, театр и все заинтересованные лица убедились, что найденная в Пскове пьеса «Человек, которого не было» и есть та самая кукольная пьеса «Не хочу быть знаменитым», о которой сообщает мне Довлатов. Песни и в рукописи, и в письме совпадают буквально.

Нужно ли добавлять, что Псковский театр принял пьесу к постановке, о чем экстренно и уважительно сообщил вдове Довлатова Елене...

А пока продолжается письмо Довлатова:

«...Будем сочинять, держаться. Нужно гордиться тем, что тебя считают достойным пострадать за свои взгляды и тот проблеск дарования, которым тебя наградил Господь».

И почти сразу, не дожидаясь:

«Здравствуйте, безмолвная Лиля! Чего наглухо замолчали? Пришлите хотя бы два многоточия. Если не ответите, я буду думать, что Вы стали партийной журналисткой и чураетесь меня. Изобразю в романе!

Приезжайте в Ленинград. Покажу адскую богему. Все будет хорошо. Или наоборот».

И чуть спустя:

«Милая Лиля! Вопреки обыкновению, реагирую не сразу, погрязнув в запое, контрах и литературе.

На совещании Северо-Западной молодежи я непременно появлюсь где-то в кулуарах, как ветеран этих мероприятий и как наглядное живое свидетельство всей их практической бесперспективности.

Я закончил новую вещь (“Невидимая книга”) — безусловно лучшее из того, что сочинил. Это совершенно документальный материал (журнально-издательская, литературная обстановка), то, что на Западе обозначают — nonfiction. В плане же синтаксиса я хотел добиться некоторого эффекта от усредненного неокрашенного языка. Мне давно кажется искусственной гальванизация народных, профессиональных и даже жаргонных наречий.

Я жду от этой вещи большого морального удовлетворения.

Из ленинградских новинок обратите внимание на книгу Инги Петкевич “Большие песочные часы”. Это такая петербургская вещь с благородным налетом маразма. Любопытно, что там выведен Валерий Попов, очень хороший молодой писатель и наперекор одутловатому Ширали (я как-то сказала Сергею, что была на

выступлении Виктора Ширали, и он произвел на меня сильное впечатление тем, что читал стихи, закрывая лицо руками, — этот театральный манерный жест был тем удивительней, рассказывала я, что Ширали был очень хорош собой. Сергей часто возвращался в разговорах к этой моей сомнительной поэтической симпатии, которая строилась не на интересе к стихам, но на заинтересованности в авторе. — Е.С.) — действительно красивый парень.

Прочтите. Прочтите и “Лаборантку” Игоря Ефимова. Это скучно, но здорово.

Большой привет всем, кто меня помнит и не проклинает».

Моему отцу всегда хотелось, чтобы у меня были нормальные детские увлечения: спорт или хотя бы марки. Марки покупали долго, заманивая. Потом поднесли красивейший, из кожи, альбом; надлежало разместить коллекцию по темам. Я засунула липкие, тонкие кусочки бумаги — держать их в руках было неприятно, как живую бабочку, ухваченную пальцами за слишком мягкое и податливое тело, — в прозрачные полочки, а те марки, что не вместились (может, и самые ценные), скомкала и спрятала за диван. Ничего не вышло...

Спустя много лет Сергей Довлатов укорял меня:

— Лиля, горба у вас нет, точно нет, я вижу. Вы не хромаете, глаза не косят — это для поэта большая потеря. Ну хоть спивались бы вы, что ли, или шумно развратничали. Не оправдывайтесь. Что-то надо придумать. А пока вы живете в четырехкомнатной квартире, пьете по рюмочке дорогой коньяк и ходите на свидания с мужчинами в синих бостоновых костюмах — ничего не выйдет.

Как ни странно, в эксцентричной шутке грустного пророчества оказалось больше, чем иронии.

Я очень долго дорожила уютом и благополучием. Мне казалось, устроенность позволяет не тратить себя на второстепенное. На самом же деле благополучию нужно либо отдать всю жизнь, либо разом и вдруг оно теряется — легче заниматься главным от этого не становится, но как-то опрятно все расставляется по местам, и видишь, что устроенность была незаслуженной и не тебе предназначавшейся.

Со своей же жизнью, мне кажется, Сергей поступал как ребенок с тем альбомом для марок — все, что не годилось в литературный текст, комкалось и отбрасывалось (может быть, самое ценное!), а еще точнее — попросту не случилось. А если и происходило нечто побочное, то и это хотел он подчинить законам своего текста, чтобы и воспоминания о нем, слухи, сплетни — все было им же написано и отредактировано.

В Таллине он придумывал себе название. Писатель — дерзко, прозаик — заносчиво, литератор — для знаменитостей, буду называться «автор текстов». Так обозначив себя, он и пришел в Союз писателей с рукописью «Зоны». Тогдашний литературный консультант Борис Штейн жал руку Сергею и произнес в конце похвальной речи:

— Я верю, Сергей Донатович, настанет день, когда мы с вами сможем разговаривать на равных!

Сергей выслушал с благодарностью, пересказал с отвращением.

В Союзе писателей готовился вечер молодых литераторов. Сергей обратился к тому же Штейну:

— Я надеюсь, что наряду с... — шел длинный перечень имен, — и я в некоторой степени могу представлять...

Его выпустили, отрекомендовав залу начинающим юмористом.

Волновался он ужасно, до сонливости, бедной улыбки, сосредоточенно-отсутствующего взгляда. Потом вышел

с каким-то лиственным шумом, задевая ряды, на сцену и безошибочно — как это делает ритм в стихах — произнес:

— Я был женат два раза, и оба раза счастливо.

Зал замер.

— Как? Вас не интересуют подробности моей личной жизни? Тогда о юморе. Самый смешной рассказ, который я прочел во всю мою жизнь, — «Бобок» Достоевского, но его написал не я.

Такие фразы не всегда рождались у него от легкости жеста, быстроты отскока, скорее вымучивались и долго обдумывались, примерялись на знакомых, звучали в первом чтении в письмах и лишь затем переходили в прозу.

Впрочем, вот как мы познакомились. Субботним вечером я заглянула к своим приятелям. Заглянула случайно: спустилась на этаж с другой вечеринки, где, скажем, не хватило вилки или тарелки. Хозяйка пошла к буфету, я потянулась за ней в комнату. Горела одна настольная лампа, и та прикрытая шалью, будто клетка с птицами. Довлатов сидел на диване, на него был надвинут длинный стол — барьер, чтобы близко не подходили. Увидев меня, он заслонился рукой и прокричал:

— Господи, зачем вы стреляли в Ленина?!

Но чаще между ним и фразой пролегал застенчивость, многословная вежливость, хочу написать — робость, растерянность, та незащитность, которая мгновенно улавливается собеседником, скорым на расправу. Получается чуть ли не князь Мышкин? Но как он мстил самому себе за все слабости, садясь за письменный стол! Как сжимал пропасть между собой и литературой, — резче, ироничней, беспощадней, чем все это могло быть.

(Однажды, много лет назад, Евгений Рейн вызвался представить меня Александру Межирову, с которым вместе приехал в Таллин.

— Знакомьтесь, замечательный поэт Елена Скульская.

Межиров сначала обвел взглядом своих провинциальных поклонниц, затем тускло скользнул по мне и наконец мрачно произнес:

— Я не знаю такого поэта.

Рейн отреагировал, не дожидаясь точки:

— Помилуйте, так ведь и она вас видит впервые!

Мне кажется, вот такой легкости блеска требовал от себя Довлатов и часто страдал от затянувшейся паузы, от того, что все смешное было им как бы подстроено, придумано, подставлено и только трагичное и горькое всегда выходило естественно.)

1976–1977:

«Милая Лиля! Получил Вашу неинтеллигентную записку. Начинается она словами "...гриппую, вот и пишу". Болейте почаще, раз вы такая ("вы" — с маленькой буквы), раз это стимулирует нашу переписку. Я думаю, неплохо бы сказался левосторонний паралич. А может быть, Вы левша? Тогда правосторонний.

Я работаю в "Костре", где официально являюсь единственным порядочным человеком. Мой гл. редактор (морской писатель Слава Сахарнов) публично и доказательно объявил, что дельфины лучше и важнее людей. Не говоря уж о Лохнесском чудовище... Есть и другие. Есть старая дева (Вы бы ей не понравились), которая, упрекая меня на редсовете, сказала: "К нему заходят люди!" Тогда я возразил: "Кому же заходить, вшам?" Она обиделась и справедливо решила, что я ее обозвал вшой.

Из Ленинграда все куда-то едут. Все, кроме алкоголиков. Это отражается на моем стиле жизни. Я очень много пью водки и вина.

Писатель Б. Раевский (наст. фамилия Ривкин) принес нам рассказ из дореволюционной жизни. Там сказано: “В комнату вошла горничная. Густые каштановые волосы выбивались из-под ее кружевного ФАРТУКА”. Он перепутал с чепчиком.

А поэт Ботвинник (наст. фамилия Ботвинник) долго рассказывал в нашем отделе, как у него в нужную минуту не оказалось презерватива. Затем ушел, оставив стихи. Они кончались словами: “Адмиралтейская игла сегодня будет без чехла”. Как вы думаете, это подсознание?

У меня все хорошо. Главная неприятность моей жизни — смерть Анны Карениной».

«Милая Лиля! Известия от Вас на фоне мрачной жизни так неожиданны в своей чудной дурашливости. Порочные ланиты воскресшего Буша — целую.

Я необычайно деловит, угрюм, трезв. Работаю в “Костре”, но все еще не оформлен. Мелких рецензий опубликовал повсюду четыре штуки. В “Слоне” (“Аврора”, № 10) — маленький говняный рассказик. Что же касается серьезных произведений, то Вильям Федорович Козлов, нынешний зав. в “Авроре”, реагировал на них однозначно и мужественно. Он физически выбросил девять моих рассказов в помойный бак! Клянусь, это правда. Утешаю себя тем, что в этот же бак полетел роман Сосноры о Екатерине Второй (652 стр.).

Главный поэт Ленинграда — Охупкин (он же городской сумасшедший) избрал новую тактику. Он восклицает: “Я — посредственный советский литератор! Отчего бы меня не издать?!” Правда, иногда он забывается и внятно говорит: “Очередное заседание Пен-клуба посвящено мне”.

Занимаюсь английским языком. Девушку завизжу — отворачиваюсь.

Множество планов, о которых при встрече.

С алкоголем завязал. Для Вас готов сделать исключение. Не нужно ли чего в Ленинграде? Вам надо бы приехать сюда! Тут Эрмитаж, знаете ли...»

«Милая Лиля! Спасибо за гостинец и добрые пожелания. Фляжка прибыла в разгар запоя. И кажется, мы напугали с братом Вашу приятельницу. Мы ехали со студии, украшенные реквизитом. Это от скудости и безумия...

Бобышев посвятил мне такие стихи:

ПЕСНЯ РУЛЕВОГО

*Возвратите мне душу, летучий Голландец!
Сёр Ван Страатен, тошно молчать у руля!
Этот чертов Мальштром и морей этих танец
В этой стуже всегда где-то возле нуля...*

И так далее...

Как Вы думаете, тартуская студентка, что это может означать?

Пишите мне обязательно, хотя бы коротко. Вы мне чрезвычайно симпатичны в пору глубокого разочарования и апатии.

Хорошо, если бы Вы приехали. Я натру пол...»

Сергей написал, что увидеться нужно непременно. Я поехала. Лето стояло прогорклое и пыльное, в солнечной паутине, как на чердаке. Сергей был весел маскарадной утренней усталостью, повторял, что я человек невежественный и уж коли явилась всего на один день, то мы сейчас же устроим настоящий праздник искусств: вот наберем еды, поедем на дачу к Андрею Арьеву, будем говорить о литературе, сядем на поляне — «Завтрак на траве».

В квартире лежали зеленые бутерброды, изумрудные, с переливами, покрытие их называлось рокфором, так, во всяком случае, уверяли вчерашние гости, которые и нанесли эту зеленую слякоть в дом, намазали ею хлеб, но сами есть категорически отказались.

«Тем лучше, — кивнул Сергей Лене, — тем лучше. Теперь и траву не придется придумывать».

Ехали долго в электричке, пиво плескалось в молочном бидоне, трясло; Сергей сидел, прислонившись к окну, стучался о него, окунался лбом в стекло, в сосны, бегущие к насыпи с подобранными подолами.

Существовал какой-то особый умысел тоски для него в этой поездке со мной — в общем-то чужим человеком, — надо было быть с близкими, раздражаться, может, на них, срывать неудачу, выкричаться, но не терпеть эту жизнь вполголоса, не быть неприхотливым в ней, как в еде, не помогать, не оберегать, не бояться обидеть собой...

Сергей протянул мне рукопись «Невидимой книги». Там — несколько абзацев о моем отце, Сергей предложил вычеркнуть их, если они покажутся мне обидными.

«Я пошел к Григорию Михайловичу Скульскому. Бывший космополит, ветеран эстонской литературы мог дать полезный совет.

Григорий Михайлович сказал:

— Вам надо покаяться.

— В чем?

— Это не важно. Главное — в чем-то покаяться. Что-то признать. Не такой уж вы ангел.

— Я совсем не ангел.

— Вот и покайтесь. У каждого есть в чем каяться.

— Я не чувствую себя виноватым.

— Вы курите?

— Курю, а что?

— Этого достаточно. Курение есть вредная, легкомысленная привычка. Согласны? Вот и напишите... Покайтесь в туманной, загадочной форме...»

Так разговор выглядит теперь, в окончательной редакции. А тогда, в рукописи, в 1977-м, отец говорил:

«— Нужно пойти прямо к Кэбину, Первому секретарю ЦК. Он человек глупый, но добрый...»

Через пару лет именно эти слова прозвучали по «Свободе», передававшей главы «Невидимой книги». Забавно: сначала следовало волноваться из-за того, что отец назвал Первого секретаря ЦК КП Эстонии глупым, а потом — с приходом Перестройки — из-за того, что назвал его добрым. Наконец и вовсе это стало неинтересным. Довлатов написал новый диалог, почти нестареющий.

Но в электричке. Еще были живы настоящие разговоры с отцом, их прогулки по Вышгороду (не то чтобы Сергей как-то отдельно и лирически их выделял. «Понимаете, Лиля, все выстраивалось замечательно. Идем неторопливо по Вышгороду, два писателя, беседуем, естественно, о литературе: Чехов, Джойс, то-се, колышется листва. И вдруг, вообразите, из кустов эдакий разбухший микроб, сизый, полная гадость, и — ко мне: “Серега, ты что ж это, и опохмеляться не будешь?!” Позор. Невозможно быть писателем в маленьком городе» и т. д.), и, жив был тот страшный день после редколлегии, когда они с отцом бесконечно перебирали безнадежные варианты спасения...

Но отцу не предложил прочесть, тот бы только пожал плечами и улыбнулся: «Пишите как вздумается». А именно дал возможность решать и вмешиваться мне. И не потому только, что отец составлял большую часть моей жизни, не потому только, что Довлатов сам умел плакать от грусти и любви, не потому только, что в его собственной жизни было не так уж много святынь, которые невозможно разрушить словами...

Литературно-художественное издание

Елена Скульская

КОМПРОМИСС

МЕЖДУ ЖИЗНЬЮ И СМЕРТЬЮ

Сергей Довлатов в Таллине и другие встречи

Редакторы А. Мотина, П. Шиков

Художественный редактор С. Карпухин

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Н. Соколова, Т. Филиппова

Компьютерная верстка Т. Коровенковой

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «Колибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 20.04.2018. Формат 60 × 90^{1/16}.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter ГТС».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,0.

Доп. тираж 1500 экз. В-PRS-22192-02-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве:

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

в г. Санкт-Петербурге

Тел. (812) 327-04-55

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru